

Традиционная культура и буддизм в самоидентификации бурят

Самоидентификация осуществляется в рамках существующих представлений о принадлежности к общности, разделяемых индивидуумами. Можно говорить о разных формах групповой идентичности: по культуре (этнические общности) и по политической лояльности (государственные образования), о типах общности цивилизационного характера. Вследствие этого самоидентификация становится целым рядом выбора, который осуществляется по иерархии идентичностей ситуативно. Наиболее актуальной и осознанной манифестацией своей идентичности в мире, где определяющими факторами являются урбанизация и глобализация, является *этничность* (этническая самоидентификация), которая отвечает коллективной потребности и приобретает особую значимость в полиэтническом обществе, где на фоне сложения множественной идентичности ей отдается предпочтение. У бурят этническая идентичность представлена в два раза чаще, чем гражданская.

Именно этническая идентичность (чувство принадлежности к определенной этнической группе) становится для бурят одним из каналов солидарности и идентификации. Этому способствует наличие идеологем, содержащих опыт осознания своей этнической и культурной самобытности, к которым прибегает интеллектуальная национальная элита. Национальное возрождение видится прежде всего в возрождении культуры/традиционной культуры: культура, обычаи, обряды выступают в качестве ведущего этноидентификационного фактора. В дискурсе национального возрождения бурятской нации (= этно-нации) обозначения возрождаемой культуры отличаются размытостью содержания понятий: этническая, традиционная, национальная культура. Соответственно, шаманизм и буддизм, которые являются синонимами культуры в этом дискур-

се, выступают как «традиционные религии», «национальные религии», может подчеркиваться роль буддизма «в сложении этнической культуры». Отсутствие христианства в дискурсе национального возрождения (индивидуальный выбор).

Специфические черты современной самоидентификации бурят определяются историческими условиями сложения бурятского этноса. Большинство исследователей принимается факт сложения бурятского этноса как этнокультурной общности к концу XIX в. Характерной чертой этого процесса является исторически сложившаяся административная разделенность территорий проживания бурят: западная часть (эхириты, булагаты, хонгодоры) управлялись из Иркутска, восточные (хоринцы и селенгинцы) – из Читы. Это способствовало сохранению этнокультурных различий (язык, традиции) и обусловило конфессиональное разделение бурят: распространение буддизма у восточной части бурят и бытование шаманизма с частичной христианизацией – у западных.

Для определения тенденций в самоидентификации бурят выделены общности, к которым исторически относили себя буряты:

1. Значимость **родового** деления: по **родам** формировалось войско, каждый род имел свое знамя, буддийский храм. Родство было патрилинейным и выражалось в разных терминах: **отог, обог, эсэг, яһан** (последний – у селенгинских бурят).

2. Роды объединяются в общность следующего таксономического уровня, которая, кажется, не имеет жесткой терминологической определенности, – *народ, люди (зон или улас)* и может соответствовать одному из значений греческого *этнос* – племя. Это *эхириты, булагаты, хонгодоры, хори*. Причем, приблизительно до сер. XIX в. последние дистанцировались от первых трех, обозначаемых этнонимом *буряты*. В качестве этнодифференцирующего фактора выступают буддизм/шаманизм.

3. Происходит расширение этнических и географических границ общности **буряты**: хори включаются в нее через мифологических предков и через «историческое» обоснование генеалогического родства.

4. Отмечается одновременное функционирование наряду с таксоном *буряты* и иного – **бурят-монголы**, подчеркивающего общность прежде всего *хоринских* и *селенгинских* бурят с монголами.

5. Обоснование генетического родства *власти* у монголов и бурят с царскими родами буддийских государств включает их в **буддийскую цивилизацию**. Идентификация с буддийской цивилизацией способствует формированию представлений о центральноазиатской общности, актуализируемых в последнее время.

6. И еще один уровень идентичности, который отмечается в традиции – понимание/осознание бурят **в составе России**: буряты – россияне. Амбивалентность осознания российской идентичности: с одной стороны, Российский Центр воспринимается как *внешнее, чужое* (вредоносное) для бурят, с другой, – русские цари (их происхождение) вписываются *в буддийский контекст*. Взаимоотношения бурятской буддийской церкви с государством и православной церковью.

Эта иерархия идентичностей, не исключая одна другую, актуальна и сейчас. Еще одним уровнем самоидентификации, сложившимся на протяжении XX в., является отнесение себя бурятами к мировому сообществу, что никак не присутствовало в сознании в XIX в.

Первой мобилизацией этничности можно считать период с начала XX в. по 1937 г., который подразделяется на две части: 1) национально-освободительное движение начала века, где в конструировании границ этнического предпочтению отдавалось языку (письменности) и буддизму (роль шаманизма в этнической интеграции отрицалась) в качестве этнических идентификаторов и интеграторов; 2) с 1923 г. – образование первого бурятского государства (Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической республики),

включавшего все территории проживания бурят, до 1937 г., когда территория проживания западной части бурят была возвращена в административное управление Иркутской области (Усть-Ордынский бурятский автономный округ), а восточная окраина – в Читинскую область (Агинский бурятский автономный округ). Концептуализация этнической самоидентификации в контексте обновленческого движения в бурятском буддизме, разработка программ модернизации учения, устава, образования.

Традиционная культура, буддизм и шаманизм в самоидентификации бурят в советский период.

Оживление этнического фактора в самоидентификации бурят в постсоветский период, деятельность бурятской интеллектуальной элиты по конструированию мифосимволической системы, способствующей этнической интеграции, что выражается в формировании нескольких уровней идентичности: кочевые цивилизации Центральной Азии – Монгольская империя и Чингис-хан – распространение буддизма – национальное движение начала XX в. – образование БМАССР в 1923 г., воспринимаемые как символы манифестации этнического.

Религия в социальной практике: институционализация конфессий, создание структур. Восстановление прежних и строительство новых буддийских храмов, формирование церковной организации бурятского буддизма в современных условиях, общественные буддийские организации. Патернализм государства по отношению к традиционной буддийской конфессии – законодательное закрепление преимущественных прав Буддийской традиционной Сангхи России.

Возникновение в этнической Бурятии религиозных, культурно-просветительных и общественных организаций с целью возрождения историко-культурного наследия шаманизма («Всебурятская Ассоциация шаманов», «Общество Хэсэ-Хэнгэриг» и др.), проведение общепурятских и территориально-земляческих жертвоприношений. Двойственное отношение к шаманизму: примордиалистский подход (изначально присущее этносу мировоззрение, своеобразный способ жизнеобеспечения этноса, основной фактор консолида-

ции); и негативный, в котором подчеркивается его функция родовой религии и низкий уровень служителей культа.

В политическом дискурсе актуализируются не только ценности религии и ее возможности этнической интеграции, но и ее способность служить этнической дифференциации – отделять от иноэтничного.

В социальной практике и шаманизма, и буддизма можно отметить тенденции выхода конфессий за рамки этнического: участие как в организационной структуре, так и в ритуальной практике представителей других национальностей.